

Надежда Владимировна Журавлева¹
Надежда Владимировна Кабинина²

¹ соискатель, лаборант топонимической лаборатории кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51)

E-mail: n.v.zhuravleva@urfu.ru

<https://orcid.org/0009-0008-4008-7565>

² доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51)

E-mail: nadia.nvlad2010@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8855-4507>

АНТРОПОНИМЫ НЕСЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В «АКТАХ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ» (I)

Аннотация

Статья представляет собой первую часть планируемой авторами серии работ, посвященных антропонимам неславянского происхождения в «Актах Соловецкого монастыря» — опубликованном источнике, ярко запечатлевшем историю значительной части Беломорья в XV–XVI вв. В настоящее время к исследованию привлечен только первый том, содержащий 428 грамот (1479–1571): в нем приведено не менее 80 антропонимов, имеющих неславянские истоки. В статье рассмотрена относительно небольшая часть этого корпуса — 15 имен. Антропонимы анализируются в ключе широко понимаемой этимологии, включающей, наряду с предлагаемыми апеллятивными параллелями, мотивационные гипотезы, типологические аргументы, размышления авторов по поводу уже имеющихся интерпретаций отдельных имен. Методика исследования, базирующаяся на достаточно богатом опыте предшествующих работ по антропонимии Европейского Севера России, подробно охарактеризована во вводной части статьи. Как выявлено авторами, в большинстве своем антропонимы неславянского происхождения представлены в отчествах «русского типа» в составных именовании, где другими компонентами становятся православные календарные имена и их формы (*Куземка Федоров Валуев, Власко Ошмуев, Семен Иванов сын Сулгопаяв* и т. п.). Тем самым в рассматриваемый период прослеживается уже ставшая значительной степень христианизации и, соответственно, обрусения части неславянского населения Беломорья. При этом, однако, иноязычные антропонимические системы еще продолжают существовать, на что указывают отдельные номинации. При анализе антропонимов с точки зрения происхождения с очевидностью прослеживается доминирование прибалтийско-финских имен; есть редкие тюркизмы (*Байгуз и, возможно, *Кудаи*) и столь же редкие антропонимы с вероятными саамскими

истоками (*Чюхча* и, возможно, **Нузча*). Исходя из очерченной во введении региональной этнонимической картины, для большинства прибалтийско-финских антропонимов следует предполагать карельские истоки.

Ключевые слова: историческая антропонимия; акты Соловецкого монастыря; Северо-Запад России; Беломорье; финно-угорские языки; тюркские языки; этимология

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России», <https://rscf.ru/project/23-18-00439/> Авторы выражают благодарность старшему научному сотруднику ИЯЛИ КарНЦ РАН Д. В. Кузьмину за ценные дополнения к этимологической части исследования.

Для цитирования

Журавлева Н. В., Кабинина Н. В. Антропонимы неславянского происхождения в «Актах Соловецкого монастыря» (I) // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 3. С. 93–116. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.033

Рукопись поступила в редакцию 19.08.2024

Рукопись принята к печати 01.10.2024

Nadezhda Vladimirovna ZHURAVLEVA¹

Nadezhda Vladimirovna KABININA²

¹ Postgraduate student, Toponymic Laboratory, Department of the Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University (51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia)

E-mail: n.v.zhuravleva@urfu.ru

<https://orcid.org/0009-0008-4008-7565>

² DrHab, Professor, Department of the Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University (51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia)

E-mail: nadia.nvlad2010@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8855-4507>

ANTHROPONYMS OF NON-SLAVIC ORIGIN IN THE ACTS OF THE SOLOVETSKY MONASTERY (PART I)

Abstract

The article is the first in a planned series investigating anthroponyms of non-Slavic origin found in the *Acts of the Solovetsky Monastery*, a published source that vividly chronicles the history of the White Sea region in the 15th–16th centuries. The study focuses on the first volume, which contains 428 charters (1479–1571) and includes at least 80 anthroponyms of non-Slavic origin. This article examines a subset of 15 names from this corpus. The anthroponyms are analyzed within a broad etymological framework, incorporating proposed appellative parallels, motivational hypotheses, typological arguments, and the authors' reflections on existing interpretations of specific names. The research methodology, informed by substantial prior work on the anthroponymy of the European North of Russia, is outlined in detail in the introduction. The findings reveal that most non-Slavic

anthroponyms appear within “Russian-type” patronymics, combined with Orthodox calendar names or their derivatives (e.g., *Kuzemka Fedorov Valuev*, *Vlasko Oshmuev*, *Semyon Ivanov Sulgopyaev*’s son). This pattern highlights the significant Christianization and subsequent Russification of parts of the non-Slavic population in the White Sea region during this period. Nevertheless, the persistence of foreign-language anthroponymic systems is evident in certain individual names. The analysis of the origins of these anthroponyms indicates a strong prevalence of Balto-Finnic names, alongside occasional Turkic elements (**Baiguz* and possibly *Kudash*) and rare examples of probably Sami origin (*Chyukhcha* and possibly **Nuzcha*). Based on the ethnonymic landscape described in the introduction, most Balto-Finnic anthroponyms can be assumed to be of Karelian origin.

Keywords: historical anthroponymy; *Acts of the Solovetsky Monastery*; North-West of Russia; White Sea region; Finno-Ugric languages; Turkic languages; etymology

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 23-18-00439 *Onomasticon and Linguocultural History of European Russia*, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00439/>). The authors express their gratitude to Dr Denis V. Kuzmin, Senior Research Fellow at the Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, for his valuable suggestions regarding the etymological part of the study.

For citation

Zhuravleva, N. V., & Kabinina, N. V. (2024). Anthroponyms of Non-Slavic Origin in the *Acts of the Solovetsky Monastery* (Part I). *Voprosy onomastiki*, 21(3), 93–116. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.033

Received on 19 August 2024

Accepted on 1 October 2024

Введение

Статья посвящена этимологическому анализу антропонимов неславянского происхождения, отраженных в «Актах Соловецкого монастыря» [АСМ] — замечательном севернорусском памятнике XV–XVI вв., запечатлевшем в кругу самой разнообразной информации множество имен людей славянского и иного происхождения. Из всех обширных владений Соловецкого монастыря нас интересует прежде всего Беломорье.

Сразу скажем, что в данной публикации представлена лишь небольшая часть материала, так как количество интересующих нас антропонимов в [АСМ] достаточно велико: только в первом томе (428 грамот за 1479–1571 гг.) их не менее 80¹. В настоящей статье, включающей анализ 15 антропонимов, мы стремимся к тому, чтобы проиллюстрировать характер материала в структурном, семантическом и этимологическом отношении; по соответствующим

---

¹ В это число входят не только антропонимы, непосредственно называющие людей, но и имена, реконструированные на основе топонимов.

разработкам читатель также сможет судить о степени изученности и этимологической проблемности неславянских антропонимов [АСМ].

Поскольку планируется несколько частей работы, позволим себе достаточно развернутую вводную часть — общую для всех них.

Из истории Соловецкого монастыря

Соловецкий монастырь, основанный в 1429 г. и существующий до сих пор, находится на Соловецком острове, расположенном в Белом море несколько западнее оконечности Онежского полуострова. В XV–XVII вв. это был важнейший для России и самый северный форпост христианской веры, в то же время монастырь являлся крупным землевладельцем. Его владения охватывали главным образом поморские земли: Кольский полуостров, южное побережье Белого моря, Обонежье (включая Карелию), Нижнее Подвинье; часть земель монастыря находилась в Каргополье и на других территориях².

Согласно археологическим данным, Поморье, в том числе Соловецкий архипелаг, было освоено финно-угорскими народами задолго до прихода русского населения. На расположенных здесь стоянках, датированных IV–II тыс. до н. э., обнаружена ямочно-ребенчатая керамика, характерная для «финской» культуры Волго-Окского междуречья; по находкам середины II — начала I тыс. до н. э. можно судить о формировании в Беломорье оседлого населения, квалифицируемого исследователями как прафинно-угры и протосаамы [более подробно см.: Бернштам 1978: 10–13].

В «письменную» эпоху в разного рода источниках имеется множество указаний на неславянское население соловецких владений. Так, по словам игумена Досифея, это были люди «пяти родов и более, а именно: Ижера, Чудь, Лопь, Каяне, Мармане и инии мнози языци» [Досифей 1853: 32].

В XX в., когда стала возможной реконструкция лингвоэтнической картины прошлого по данным топонимии, было установлено, что в I тыс. н. э. соловецкие земли в основном были заселены прибалтийско-финскими этническими группами, а также «лопью» — древними родственниками нынешних саамов; возможно, здесь жило и иное финно-угорское («чудское») население; при этом в топонимии — как в отэтнонимических названиях, так и в иных — наиболее отчетливо представлен карельский «след» [см.: Родионов 2003; Матвеев 2004; Киришева 2006; Кузьмин 2007; Кабинина 2011; и др.].

---

²История монастыря, включающая в том числе эти сведения, изложена во множестве источников [см.: АСМ 1: 5; Дунаев 1914: 6; Шилов 2001: 2; и др.].

Степень исследованности материала

Как целое корпус неславянских антропонимов [АСМ] пока не изучался. До 2010 г. в разного рода исследованиях фигурируют лишь отдельные имена из этого источника, привлекаемые главным образом для обоснования этимологий других антропонимов финно-угорского происхождения, известных на российском Северо-Западе и смежных финноязычных территориях [Попов 1981; Хелимский 2000; Саарикиви 2003, Saarikivi 2006; 2007; Шилов 2002; 2010; и др.]. К 2010 г. относится опыт более широкого охвата неславянской антропонимии [АСМ], представленный в словаре И. А. Кюршуновой [СНЛИ]: в него вошло 38 неславянских антропонимов из первого тома [АСМ] (т. е. почти половина имен, рассматриваемых нами на данном этапе), часть их этимологически проинтерпретирована. Около десятка «наших» антропонимов включено в вышедшее в 2020 г. сводное издание «Русские имена, прозвища, фамилии. Материалы к именослову», содержащее более 20 000 имен (автор-составитель — Н. И. Решетников) [РИПФ]. Эта работа, ставшая на сегодняшний день самым полным подобным сводом, безусловно, ценна для ономастических исследований, однако ее этимологическая часть совершенно ненаучна и в нашей работе не используется.

Методика исследования

Как известно, первые попытки анализа исторических антропонимов строились на основе их чисто формального сходства с теми или иными апеллятивами — соответственно, почти не уделялось внимания мотивационной стороне древних имен и другим их особенностям. Отзвуки такого подхода встречаются до сих пор, однако с конца XX в. начала формироваться новая волна исследований, в которых этимология мыслится широко, т. е. наряду с формальной языковой трактовкой изучаются исторический контекст бытования антропонима, его мотивировка и «модельность», смысловые и фонетические трансформации с учетом миграций носителей имен и бытования антропонимов в двуязычных и полиязычных зонах, особенности отражения в топонимии [Муллонен 1994; 2002; 2008; и др.; Карлова 2004; Кузьмин 2007; 2017; 2023; 2024а; и др.; СНЛИ; Кюршунова 2013; 2017; и др.; Шилов 2008; 2010; Захарова 2014; Соболев 2015; 2017; и др.; Макарова 2018; и др.]. В названных работах постепенно оттачивалась методика изучения «северной» исторической антропонимии, на основе которой мы строим свое исследование. В обобщенном виде наиболее важные составляющие этой методики следующие.

1. При формировании корпуса материала учитываются как имена людей, прямо фигурирующие в текстах документов («персонажей», по выражению А. Л. Шилова), так и антропонимы, реконструируемые на основе топонимов,

прежде всего ойконимов и микротопонимов, в которых, что уже можно считать надежно установленным, чаще всего отражены именно человеческие имена. Для территории Беломорья, где среди неславянских исторических антропонимов доминируют имена прибалтийско-финского происхождения, источниками реконструкции являются в первую очередь топонимы на *-оево/-уево, -ла*, а также названия на *-ичи/-ицы, -ов(о)/-ев(о), -ин(о), -ск-* с иноязычными основами.

2. Для большинства исторических документов, в том числе при отражении имен собственных, характерно наличие ошибок, допущенных либо писцами, либо «расшифровщиками» текста при подготовке памятника к печати. Вопреки кажущемуся здравому смыслу, такие случаи не должны исключаться из сферы анализа. Во-первых, чтобы ошибки не «тиражировались» в дальнейшем, их следует обозначать. Во-вторых, важно учитывать характер ошибки: иногда это может помочь при анализе других случаев. Кроме того, ошибки порой могут быть «говорящими»³.

3. При этимологизации антропонимов — как прямо упоминаемых в письменном документе, так и реконструированных — приоритетными должны быть версии, предполагающие не любую, а именно «антропонимическую» семантику онима. Будучи сходной у многих народов, в каждом регионе эта семантика все же имеет свои особенности: так, на Русском Севере и в Карелии в основе антропонимов чаще всего лежат характеристики человека по особенностям внешности, речи, поведения; нередко человек характеризуется метафорически — через названия животных, птиц, рыб, хозяйственных предметов. По имеющимся исследованиям можно судить и о том, что довольно редко в сферу исторической антропонимии проникали географическая терминология, метеорологическая лексика, названия растений, лексика абстрактного характера. Однако основанного на всем этом исследовательского «чувствования» антропонимической семантики все же недостаточно: в идеале оно должно подкрепляться более конкретными типологическими данными (идентичные имена или образованные от них отчества и фамилии на других территориях; похожие имена).

Разумеется, типологическая поддержка необходима и при анализе фонетико-морфологической структуры антропонимов. Здесь мы опираемся на широкий круг сведений, содержащихся в вышеназванных работах; насколько это возможно, подобные сведения с учетом русской адаптации были обобщены в [Кабинина 2011: 37–65].

³ Наилучшим образом это показано в вышеназванных работах Д. В. Кузьмина, А. И. Соболева, И. А. Кюршуновой.

Говоря о методике исследования исторических антропонимов, коснемся также ряда тонких, пока не ставших «общими» положений, которые хотелось бы учесть при анализе нашего материала. В связи с этим особо отметим серию работ Д. В. Кузьмина [2019; 2020; 2023; 2024a], где более глубоко, чем обычно, рассматриваются структурные и семантические метаморфозы карельских имен в условиях тесных русско-карельских контактов. Во-первых, в них показано, что карельские народные формы христианских имен достаточно далеко уходят от русских прототипов, т. е. исследователь может принять некоторые из них за мирские имена, образованные от апеллятивов: ср., например, карел. *Šokoi* — *Фёкла*, *Möntö* — *Митрофан*, *Rekka* — *Пётр* и т. п. [Кузьмин 2020: 9, 27, 28]. Во-вторых, по наблюдениям Д. В. Кузьмина, в эпоху христианизации карелов церковные имена и их формы нередко «мимикрировали» под традиционные мирские, что придавало новым непонятным именам знакомый смысл: так, имя *Захар(ка)* трансформировалось в *Harakka*, букв. «Сорока»; имя *Кирилл* — в *Kikki*, букв. «Кошка»; имя *Матвей* — в *Matikka*, букв. «Налим»; и мн. др.⁴ [Там же: 27]. Кроме того, Д. В. Кузьмин осторожно допускает явление калькирования в сфере исторической мирской антропонимии: рус. *Судак* < карел. **Kuha* «Судак», рус. *Медведь* < карел. **Kondie* / **Karhu* «Медведь» и т. п. [Кузьмин 2023: 65, сноска 6]. По документам прошлого достаточно трудно проследивать и доказывать подобные связи, однако, на наш взгляд, Д. В. Кузьминым открыто сразу несколько очень интересных тем, которые должен держать в поле зрения любой исследователь исторического онимикона российского Северо-Запада.

Среди «необщего», но важного для нас научно-методического опыта отметим также явление, обнаруженное и объясненное И. А. Кюршуновой: в ряде случаев по данным топонимии исследователем могут быть реконструированы своего рода «квазиантропонимы», поскольку писцы, попадая под влияние доминирующих моделей, изменяли некоторые названия. Так, д. *Любимовская* превращалась в *Любоевскую*, д. *Пятковская* — в *Пяткоевскую*, что формально ведет к реконструкции прибалтийско-финских антропонимов **Любой*, **Пяткой*, которые, вероятно, реально не существовали [см.: Кюршунова 2016a: 67]. При этом, однако, необходимо учитывать и наблюдения Д. В. Кузьмина, согласно которым в карельском языке насчитывается не менее 200 заимствованных из русского языка нехристианских (бытовых) имен — они были адаптированы карельским языком и встроены в антропосистему, что позволяет интерпретировать приведенные примеры именно в этом ключе: рус. **Пятко* >

⁴Только в сфере «фаунистических» имен приведено более 20 таких случаев [см.: Кузьмин 2020: 27].

карел. **P(i)ätköi* > д. *Пятковская*; рус. *Любим > карел. **L'uboi* > д. *Любовская* [Кузьмин 2024б].

Организация материала

Предлагаемый вниманию читателя материал представлен ниже в виде этимологических статей — пока, скорее всего, черновых, расположенных в алфавитном порядке. Заглавным словом является анализируемый антропоним (имя «персонажа» или реконструкция имени под знаком *), рядом даются минимальный контекст его употребления, датировка грамоты и географическая привязка⁵. В основной части статьи предлагается этимологическая трактовка антропонима. В эту часть, кроме апеллятивных параллелей, семантико-мотивационных комментариев и типологических замечаний, входят также наши размышления об уже имеющихся версиях; иногда сюда включаются и другие связанные с тем или иным именем факты, если мы считаем их значимыми для дальнейших исследований.

Этимологические статьи

**Байгуз(а)*: «Тимофей Семенов сын *Байгузова*» (№ 315, 1568 г.; № 325, 1569 г.; Турчасово) [АСМ 1: 203, 209].

С большим удивлением читаем комментарий к этому антропониму, данный И. А. Кюршуновой: «Вероятно, в структуре именованного можно выделить компонент *-гуз* (*Гузов*, *Гузнецев*, *Деригузов*), однако этимология неясна» [СНЛИ]. Согласиться здесь можно лишь с тем, что этимология не вполне прозрачна, — притом, однако, что с русским корнем *гуз-* имя не связано и явно имеет тюркские истоки.

В частности, в виде *Байгуза* оно представлено в ряде башкирских антропонимов, ср.: *Байгуза Айметов*, участник Первой мировой войны (Уфимская губ., Бирский у., Мишкинская вол.) [Байгуза 1]; *Юрий Байгуза*, писатель (Республика Башкортостан, Мишкинский р-н, д. Курманаево) [Байгуза 2] и др. Центральный ареал имени *Байгуза* и фамилии *Байгузов* / *Байгузин* локализован как раз в Башкортостане (где, кстати, есть известное с 1653 г. с. *Байгузино* = башк. *Байгужа*, Янаульский р-н). Часть нынешних фамилий с основой *Байгуз-*,

⁵ Во многих случаях привязка фигурирует в самой грамоте в виде указания на место жительства автора (например, «Се яз, Никита Павлов сын *Золотицкие волости* крестьянин...» [АСМ 1: 75], «Се яз, Овдоким Иванов сын *из Вазениц...*» [Там же: 93]) или на то место, где грамота составлялась служителем церкви и заверялась «послухами». Если таких прямых указаний нет, привязку помогают определить присутствующие в грамоте топонимы либо «персонажи», упоминаемые также в других грамотах.

а также *Байгуж-*, *Байгуш-* фиксируется в Поволжье (Мордовия, Пенза, Саратов и др.), что говорит о былом наличии имени в других тюркских языках.

В основе антропонима, вероятно, лежит тюркский апеллатив с изначальным значением ‘птица’, ср. *Байгуз-птица* — волшебный персонаж казахских народных сказок; ср. также кирг. *байкуш* ‘один из видов совы’, ‘перен. бедняга, бедняжка’ [Эл-Создук], каз. *байгұс* ‘бедняга’ [СКР Glosbe] и т. п. В словаре В. И. Даля приведено оренб. *байгуш* ‘нищий из кочевых инородцев, обнищавший киргиз’ [Даль 1: 38], которое, согласно М. Фасмеру, может быть заимствованием из тат., узб. *baiyuş*, чагат. *baikuş* ‘бедняк’, каз. *baiyus* ‘жалкий, бедный’ [Фасмер 1: 107].

В совокупности эти данные говорят о том, что с русско-тюркского пограничья апеллатив рано проник на территорию Руси, причем, скорее всего, уже в переносном значении.

*Бригуй: «Василей Алексиев сын *Бригуева*» (№ 354, 1570 г., Пияла) [АСМ 1: 223].

Это, казалось бы, фонетически странное для финно-угорских языков имя все же находит практически прямую параллель в прибалтийско-финской лексике, ср. фин. *priha* (‘франт, щеголь’ — Э. Лённрот, 1880; местами у ижорцев и карелов) ‘юноша, парень’, ижор. *priha* ‘то же’, карел. *priha* ‘молодой неженатый мужчина, парень; мальчик’, люд., вепс. *priha, briha* ‘юноша, парень’ < рус. *пригожий* ‘красивый, миловидный’ [SSA 2: 410]; в салменском говоре карельского языка *briha*, наряду с ‘парень’, означает также ‘драчун’ [Кузьмин 20246].

Как можно судить по приведенным данным, прибалтийско-финский апеллатив является довольно старым заимствованием, поскольку он успел войти в большинство языков северной подгруппы. С учетом фонетической адаптации форма **Бригуй* могла быть усвоена русскими из любого языка в ряду отмеченных выше.

Насколько нам известно, в прямом антропонимическом употреблении эта лексема более нигде не зафиксирована, однако ее следы имеют место в вепсской топонимии (**Prihoi*) [см.: Муллонен 1994: 40].

*Валу́й: «Куземка Федоров *Валуев*», «Павлик Федоров *Валуев*» (№ 213, 1556 г., Сумская вол.) [АСМ 1: 129–130].

Имя включено в словарь И. А. Кюршуновой, однако для него приводятся только русские этимологии: от диал. *валуй* ‘лентяй’, ‘неповоротливый человек’, ‘неопрятный человек’, ‘глупый человек’, ‘человек, занимающийся кастрацией животных’ или от *волуй* ‘воловий, коровий пастух’ [СНЛИ].

На наш взгляд, по крайней мере столь же вероятно прибалтийско-финское происхождение антропонима, ср. имя *Valdu (Valloi)*, букв. «Власть, господство», относящееся к общеприбалтийско-финскому онимикону и отраженное, в частности, в названии карельской д. *Валойла (Valloilu)* Туксинского сельсовета (Олонецкий р-н) [Кузьмин 2023: 61].

Ср. также фин. *vaalea* ‘светлый; бледный’, *valo, valu* ‘свет’ и близкие апеллятивы других прибалтийско-финских языков: ижор., карел. *valo*, вод. *valu*, эст. диал. *valu* ‘свет’; ижор. *vālia*, карел. *voalie*, люд. *vuolap* ‘светлый; бледный’ [SSA 3: 384, 401]. Приведенные лексемы и их производные используются для обозначения животных светлой масти [Ibid.]; возможно, они бытовали и в антропонимиконе для обозначения светлокожих или светловолосых людей⁶, ср. зафиксированные в [АСМ 1] русские именованья с подобной мотивацией: **Белянко (Иванко Васильев сын Белянкина — № 56, 1527 г.)*, **Беляй (к Беляевскому двору — № 163, 1550 г.)*, **Белой (есми купил у Василья у Белово — № 189, 1553 г.)* [АСМ 1: 42, 101, 115, 139].

Везуня(й): «а продал есми <...> что сам купил у Везуня» (№ 79, 1540 г.; Чупа) [АСМ 1: 52].

Перед нами сложное имя, второй компонент которого восходит к приб.-фин. *rää* ‘голова’ (фин. *rää*, ижор. *räi*, карел. *reä, riä, rää*, люд. *riä, rie*, вепс. *rä* [SSA 2: 462]).

Впервые на антропонимы такой структуры обратил внимание Я. Калима, объяснив (без мотивировки) карельское имя *Гангоня* через «сумму» лексем *hangō* ‘вилы’ и *rää* ‘голова’ [Kalima 1942; цит. по: Мамонтова 1988: 223]. Модель имеет достаточно древние истоки — об этом говорит известное по новгородским берестяным грамотам имя *Гюлонан* (1160–1180), которое А. Л. Шилов связывает с приб.-фин. *huljerää* ‘тюленья голова’⁷ или *hullurää* ‘дурацкая голова’⁸ [Шилов 2010: 42]. Более десятка подобных имен, зафиксированных в документах Кексгольмского лена 1618–1637 гг., приводит И. А. Кюршунова: *Korgapä*, букв. «Высокая голова», *Mustapä* «Черная

⁶О типичности параллелей между зоо- и антропонимиконе в карельском и финском языках см. [Кузьмин 2017: 111–112; 2020: 25–26].

⁷Ср. рус. *Васко Медвежья Голова*, крестьянин Шунгского погоста, 1496 г. [СНЛИ]. По мнению Д. В. Кузьмина, это именование может являться переводом карельского *Karhunkiä (букв. «Медвежья голова»), в переносном значении ‘баловник, сорванец’ [Кузьмин 2024б].

⁸Это предположение А. Л. Шилова вызывает сомнения, поскольку маловероятна передача приб.-фин. *hu-* русским *гу-*. Кроме того, неудачен перевод: более точно было бы не «Дурацкая голова», а «Безумная / безрассудная / сумасшедшая голова». Еще более сомнительным видится нам предложенное Я. Саарикиви сопоставление рус. *Гюлонан* с финскими и карельскими именами *Holapara, Holopainen* < *holapara* < рус. *холоп* [Saarikivi 2007: 232–233].

голова», *Tasapä* «Крепкая голова», *Tuskarä* «Волосатая голова» и т. п. [Кюршунова 2017: 64], ср. также *Ивашко Койвуня* [Кюршунова 2016а: 66] < *Koivurä, букв. «Березовая голова»⁹.

В нашем случае как само именование, так и его мотивировка также вполне прозрачны: *Везуня* буквально означает «Водяная голова» — ср. фин., ижор., карел., вод., эст. *vesi*, люд. *veži*, вепс. *vezi* ‘вода’ [SSA 3: 429]; ср. также фин. *vesipää* ‘водянка мозга’ [ФРС: 730]. Как известно, при водянке ярким признаком больного человека является необычно большой размер головы, поэтому как больных водянкой, так и просто большеголовых людей¹⁰ могли называть «Водяная голова». Ср. также карел. *vezipiä* ‘ленивый’ и образное выражение *vezipeäkse meni se dielo* ‘о деле, которое окончилось неудачей / провалом’ [Кузьмин 2024б].

Отметим, что многовековая устойчивость данной антропонимической модели обязана, вероятно, богатству соответствующей нарицательной лексики прибалтийско-финских языков, где и в наше время бытуют характеризующие человека сложные слова со вторым компонентом ‘голова’: ср. фин. *huimarää* ‘удалец, сорвиголова’ [ФРС: 123, 130, 681], букв. «отчаянная / буйная голова»; карел. *pörhöpiä* ‘взъерошенный, лохматый, косматый’ [Кузьмин 2023: 76], букв. «голова с хохлами / вихрами» [SSA 2: 468] и т. п. (ниже ср. **Сулгона(й)*).

*Гюй: «двор <...> возле *Гюевых* братеников» (№ 16, 1499/1500 г.; Шуя) [АСМ 1: 23].

По причине малого количества фонем реконструируемый антропоним достаточно сложен для интерпретации. В словаре И. А. Кюршуновой для него восстановлена известная по новгородским берестяным грамотам форма *Гювий (*Гювиев сын*, 1396 г.), которая начиная с А. И. Попова связывается исследователями с приб.-фин. *hüvä* ‘хороший’ [см. об этом: Шилов 2010: 42; СНЛИ].

Этимология и в самом деле убедительна¹¹, но все же отметим другую возможность. Поскольку при русской фонетической адаптации в соседстве

⁹Ср. замечания и уточнения Д. В. Кузьмина к перечню И. А. Кюршуновой: 1) *Korgapä* «Высокая голова» — возможны другие трактовки, поскольку значение ‘высокий’ в карельском языке имеет лексема *korgie*, а не *korga*; 2) *Mustapä* «Черная голова» — ‘Темноволосый’; 3) *Tasapä* — толкование «Крепкая голова» неверно, ср. карел. *tašapiä*, *tazapiä* ‘с приплюснутой / плоской головой; покладистый; спокойный; лентяй’; 4) *Tuskarä* «Волосатая голова» — ‘С густой шевелурой’; 5) *Койвуня* «Березовая голова» — ‘Светловолосый’ [Кузьмин 2024б].

¹⁰Ср. именование *лотин Ивашко Великая Голова* [Шилов 2010: 51].

¹¹Тем более что есть восходящие к этому апеллятиву прибалтийско-финские имена *Hüvä*, *Hüviä*, *Hüvö*, есть финская фамилия *Hüväriinen* [см.: Шилов 2010: 42]; этимология идеальна и в фонетическом отношении, поскольку хорошо известна передача начального приб.-фин. *h* русским *г*; в случае с нашим *Гюй остается обозначить лишь также вполне естественную диерезу интервокального *v*.

с огубленными гласными при ударении на первый слог уязвимы и иные губные согласные, в форме *Гюй можно видеть также отражение прибалтийско-финских «птичьих» апеллятивов, ср. фин. *hyupiä, hyupiö* ‘филин; одинокий, отчужденный и немного странный человек’, ижор. *hüppiäs* ‘филин, ? сова’, *hüpiä* ‘? белая куропатка, ? голубь’, карел. *hyupie*, люд. *hüubi*, вепс. *hübd’, hübu, hübö* ‘филин’ [SSA 1: 202]; для карельского апеллятива зафиксировано также переносное значение ‘человек, ведущий уединенную жизнь’ [Кузьмин 2023: 65].

Кудаш: «Федко Иванов *Кудаш*» (№ 213, 1556 г.; Сумская вол.) [АСМ 1: 130].

В [СНЛИ; Кюршунова 2013: 119; 2016б: 150] имя *Кудаш* включается в ряд немногочисленных тюркизмов исторического карельского онимикона. Наиболее подробно имя рассмотрено в первой из указанных работ: здесь приводятся две этимологические гипотезы, высказанные в свое время В. А. Никоновым и Н. А. Баскаковым. Согласно первой из них, имя *Кудаш* (по отношению к жителям Пензенской области, где известна фамилия *Кудашев*) связано с морд. *куд(о)* ‘дом’ (Пензенская область — одно из мест бывшего расселения мордвы) [Никонов 1993: 58]. Согласно второй версии, имя *Кудаш* восходит к тюрк. *qudaş — qundaş* ‘дети одного отца от разных матерей’ или *quda* ‘сват’, *qudaşa* ‘сватья’ [Баскаков 1979: 30, 254].

Тюркские истоки имени, конечно, возможны, однако, поскольку географически далекие данные не могут автоматически переноситься на другие территории (о чем, кстати, не раз писал и В. А. Никонов), следует учесть также прибалтийско-финскую версию. Ср. в связи с этим фин. *kuudes* ‘шестой’ [ФРС: 281] (= ижор. *kuuvves*, карел. *kuvves*, вепс. *kudenz’*, эст. *kuues*), которое, как и широко распространенное русское *Шестак*, могло быть именованием шестого ребенка в семье.

Эта этимология находится в отношениях взаимной аргументации с версией А. Л. Шилова о происхождении антропонима *Колмак* на территории российского Северо-Запада. Рассматривая это имя в отдельной работе, исследователь показывает, что в северных документах, написанных ранее похода Ермака, имя *Колмак* не может быть связано с этнонимом *калмык*, как на более южных территориях¹². По мнению А. Л. Шилова, оно связано с общефинским *kolme* ‘три’, получившим под русским влиянием формант *-ак* [Шилов 2008].

¹² А. Л. Шилов имеет в виду этимологию, предложенную А. К. Матвеевым [2000: 144].

Серьезное возражение против этой этимологии высказано И. А. Кюршуновой, которая, опираясь на результаты своих многолетних исследований, отмечает: «Отсутствие именованний по порядку рождения прибалтийско-финского происхождения в памятниках письменности Финляндии прошлого и настоящего говорят о том, что данный мотив именованния для финской ономастики не являлся традиционным, несмотря на то что именование лиц по порядку рождения признано ономастической универсалией» [Кюршунова 2013: 122].

Мы, со своей стороны, возразим И. А. Кюршуновой: Финляндия не находилась под столь тотальным многовековым русским влиянием, как финноязычное население Северо-Запада Руси. Здесь, в зоне многовековых тесных контактов между русским и прибалтийско-финским населением, даже при отсутствии соответствующей собственно финской модели, имя *Колмак* = «Третьяк» могло быть вполне закономерным проявлением живого двуязычия, тем более что в доминирующем русском языке «числовая» модель была одной из самых популярных (см., например, материалы [СНЛП]), где во множестве примеров представлены числовые антропонимы — от *Первушка* до *Девятой*). Кроме того, отсутствие подобных антропонимов в исконном онимиконе прибалтийских финнов все-таки вряд ли абсолютно: ср., например, именование *Entzo Jakoflef*, засвидетельствованное в шведском документе 1618 г. [Кузьмин 2020: 12]. С чем связать имя *Entzo*, если не с карел. *enzi* ‘первый’?

*Лобой: «Лобоевская деревня» (№ 124, 1547 г.; Пияла) [АСМ 1: 77].

Не исключено, что это как раз тот случай, когда на основе топонима может быть реконструирован квазиантропоним, поскольку в чуть более позднем документе, относящемся к той же Пияльской волости, деревня фигурирует как *Лобановская* (№ 179, 1552 г.) [АСМ 1: 110].

Имея достаточный опыт работы с полууставным письмом, ошибку расшифровщика здесь мы считаем маловероятной (чтение *oe* как *ано* или наоборот: *Лобоевская* — *Лобановская*). Поэтому вариант *Лобоевская* следует считать либо самостоятельным «творческим» шагом писца под влиянием прибалтийско-финской антропонимической модели на *-ой/-уй* (ср. приводимые И. А. Кюршуновой подобные ойконимы *Любоевская* и *Пяткоевская*, которые упоминались во введении), либо одним из проявлений двуязычия, когда писец лишь зарегистрировал бытующую в народной речи прибалтийско-финскую форму заимствованного из русского языка бытового некалендарного имени *Лобан*.

Лотуй / Лотой: «Федор Васильев сын *Лотуй*» (№ 287, 1565/1566 г.; № 373, 1573 г.; Кемь) [АСМ 1: 189, 231], «Федор Васильев сын *Лотой*» (№ 370, 1571 г.; Кемь) [Там же: 230].

В словаре И. А. Кюршуновой антропоним приведен с пометой «этимология неясна» [СНЛИ]. Ср., однако:

1) фин. *luottaa* ‘надеяться, полагаться; верить, доверять’ [ФРС: 342], диал. ‘нравиться, годиться; удаваться’, *lotto* ‘вера, доверие, надежда’, ижор. *lõttā* ‘надеяться, верить’, *lõttissa* ‘опираться на кого-л.’, карел. *luottoa* ‘верить, надеяться; распоряжаться; удаваться’, эст. *loota* ‘надеяться, желать’, лив. *luotā* ‘надеяться, верить’ [SSA 2: 111]. В рамках этой версии ближайшей семантической параллелью для *Лотуй* / *Лотой* являются популярные прибалтийско-финские имена с основой *Toiv-* (в исторических документах финноязычных территорий *Toivo*, *Toivottu*, *Tojvet* и др.), восходящие к приоб.-фин. *toivo* ‘надежда, мечта’ [SSA 3: 305] — на севернорусской территории эта основа известна по ряду древних ойконимов [см.: Кабинина 2012: 128]. В то же время, как отмечает Д. В. Кузьмин, в мирском именнике прибалтийских финнов основа *Luot(t)-* пока не засвидетельствована [Кузьмин 2024б];

2) фин. (арх.) *lotto* ‘вялый, дряблый, зависимый’, эст. *lotutada* ‘висеть, болтаться’; сейчас в ряде прибалтийско-финских языков лексема представлена только в сложных словах типа ижор. *lottakorva* ‘большеухий, вислоухий’, вод. *lottakorva* ‘вислоухий’ и т. п. [SSA 2: 96].

Д. В. Кузьмин, приводя похожее именование *Sentka Lottoieff* (Корельский у., д. Суйстамо, 1631 г.), не исключает связь рассматриваемой антропонимической основы с фин. диал. *lot(t)o*, карел. (видимо, позднее) *lota* ‘мойва’; он допускает также, что *Lot(t)-* может интерпретироваться на основе карельских форм христианских имен *Lotto* — *Владимир* и *Loto* — *Платон* [Кузьмин 2024б].

*Ошмуй: «Власко *Ошмуев*» (№ 130, 1547 г.; Сумская вол.) [АСМ 1: 83].

Ср. фин. *osma* ‘росомаха’, *osmo* (эвфем.) ‘росомаха; медведь’, карел. *osma* ‘? росомаха’, вод. *ozmut* ‘небольшой медведь’; слово считается древней контаминацией лексем *oksi* (*ohto*) ‘косолапый, топтыгин (о медведе)’ и *ahma* ‘росомаха’ [SSA 2: 274]. Ср. отражающее подобный русский антропоним название д. *Розсомакинская* (№ 254, 1561/1562 г.; вол. Нермоша) [АСМ 1: 167].

Гипотеза, конечно, привлекательная, поскольку *Osmo* — древнейшее прибалтийско-финское имя, известное уже по эпосу «Калевала» (и далее по фольклорным текстам), однако в связи с размышлениями о «числовой» модели (см. выше *Кудаш*) допустим все же мысль о том, что в нашем случае *Ошмуй может быть карелизированной формой русского имени *Ос(ь)мой* (‘Восьмой ребенок в семье’), ср. в словаре Н. М. Тупикова три лица с именем *Осмой* [Тупиков 1903: 292], в словаре И. А. Кюршуновой — *Корнилко Осмой* и *Осьмушка Овдокимов* (XVII в.; Олонецкая губ.) [СНЛИ]; см. также [РИПФ: 667].

***Пи́я**: «на Онеге же волостка *Пи́яла*» (№ 242, 1559 г.; Пи́яла) [АСМ 1: 153] и мн. др.

Впервые этот реконструируемый нами антропоним зафиксирован в начале XVI в. в составе топонима *Пи́яла*, что ясно по контексту: «Се яз, Онкудин Петров сын, дал есми Спасу на Соловки в дом в Пи́яле под кострища пять сажон земли поперег, а длина от реки до леса с верхнево конца» (№ 34, 1518/1519 г.) [АСМ 1: 32]. В дальнейшем название деревни, а затем и волости фигурирует в [АСМ] множество раз, жители этой местности именуются в грамотах *пияльцы* или *пеяльцы*.

В числе персонажей грамот единожды отмечен *Ларивон Левонтиев сын Пи́яло* (№ 77, 1539 г.) [АСМ 1: 52], на основе чего И. А. Кюршунова рассматривает *Пи́яло* исключительно как антропоним, причем с неясной этимологией [СНЛИ]. На наш взгляд, однако, ситуация развивалась так: имя **Пи́я* > ойконим *Пи́яла* > имя *Пи́яло* (скорее всего, это прозвище, своеобразно «вобравшее» в себя географическую привязку, т. е. обозначающее «из Пи́ялы»).

Основу исходного антропонима **Пи́я* мы связываем с приб.-фин. *pää* ‘голова’ (фин. *pää*, ижор. *päi*, карел. *peä, piä, pää*, люд. *piä, pie*, вепс. *pä* [SSA 2: 462]), ср. рассмотренные в этой же публикации имена **Вези́ня(й)* и **Сулго́ня(й)*. Правда, как отмечает Д. В. Кузьмин, ойконимы подобного типа (*Piälä, Päälä*) в финской и карельской топонимии практически не встречаются: среди похожих названий есть лишь исторический ойконим *Päijälä* в Корельском уезде, одна из зафиксированных форм этого названия в шведских документах — *Peälä* [Кузьмин 2024б].

***Сулго́ня(й)**: «Семен Иванов сын *Сулго́няев*» (№ 5, 1484–1502 гг.; Кемь) [АСМ 1: 18].

Перед нами еще одна реализация древней прибалтийско-финской модели, где в составе сложного антропонима вторым компонентом является *pää* ‘голова’, см. выше *Вези́ня(й)*. Для атрибутивной части возможно предложить сопоставление с фин. *sulka* ‘птичье перо’, диал. ‘рыбий плавник’; ‘заостренная сторона кола, большой иглы, копья’, ижор., карел. *sulka* ‘птичье перо; заостренный наконечник копья, иглы, шила и т. п.’, люд. *sulg(e)* ‘перо’, вепс. *sūg* ‘перо; крыло; плавник’, вод. *sulka*, эст. *sulg* ‘перо’ [SSA 3: 211].

При доминирующем значении ‘птичье перо’ мотивом номинации следует, видимо, считать особенности волос носителя имени — например, их внешнее сходство с оперением птицы. В плане «антропонимичности» данной лексемы ср. также русское имя *Перо*: *Стефан Никулин Перо* (№ 274, 1564 г.; Кереть) [АСМ 1: 182].

В связи с этим антропонимом Д. В. Кузьмин предлагает учесть также ижор. (фольк.) *sulkoipää*, букв. «шелковая голова» — эпитет для слова *herra* ‘господин, власть имущий’ (видимо, это обозначение человека, который мог позволить себе дорогой головной убор из шелка) [Кузьмин 2024б].

Сягуй: «Илиа Васильев сын Сягуй» (№ 347, 1570 г.; Пияла) [АСМ 1: 220].

В данном случае вполне вероятным нам видится соотнесение основы антропонима с фин., ижор., карел. *säkki* ‘мешок’ (< др.-швед.) [SSA 3: 238], ср. рус. *Мешок: Федосей Мешок Фокин сын* (№ 81, 1540/1541 г.; Луда) [АСМ 1: 53].

Другая возможность — сопоставление с фин. *säkiä, säkä*, эст. *säga* ‘рыба сом’ [SSA 3: 238]. По мнению Д. В. Кузьмина, в основе антропонима может лежать также карел. *sägä*, имеющее в числе прочих значение ‘горб (у человека)’ [Кузьмин 2024б].

*Ускал / *Ушкал: «Федот Окулов сын Ускалов» (№ 143, 1548/1549 г.; № 145, 1549 г.; Лямца) [АСМ 1: 91, 92]; «Марина Кузьмина дочь Ушкалова» (№ 398, 1571 г.; Кемь) [Там же: 242].

Это имя засвидетельствовано не только в Беломорье, но и на территории Южной Карелии, где в переписной книге 1500 г. отмечены *Ускал Иванов* (Соломянский пог.) и *Ушкалик сын Васька Ивашкова* (Сердовольский пог.) [Кузьмин 2023: 60]; кроме того, форма **Ушкал* (карел. **Uškali*) реконструируется Д. В. Кузьминым на основе южнокарельских топонимов *Uškali* (д. Ушкала) и зал. *Ушкальгуба* (Кургеницы) [Там же: 63].

В словарь И. А. Кюршуновой включено только именование *Ушкалов*, которое она сопоставляет с рус. диал. *ушкуй* (*ушкой*), *ускуи*, *ушкуль*, *ушкуль* ‘вид речного судна’, восходящее, согласно М. Фасмеру, к др.-вепс. **uškoï* ‘небольшая лодка’ [СНЛИ; Фасмер 4: 180–181].

На наш взгляд, более вероятно «прямое» прибалтийско-финское происхождение основы антропонима, ср. фин. *uskaltaa* ‘сметь, осмели(ва)ться, отважи(ва)ться’, устар. ‘доверять’, *uskallus, uskalias* ‘смелый, отважный, храбрый, мужественный’, карел. *uskaltoa*, люд. *uskaldada* ‘обещать’, вепс. *uskaltaze* ‘быть смелым, отважным’, эст. *usal dada* ‘надеяться, полагаться’; ‘осмеливаться, отваживаться’ (< фин. диал.) = саам. сев. *oskeldit* ‘то же’ [SSA 3: 377]. Наличие саамского соответствия говорит о том, что слово собственно финно-угорское, тем самым и имя **Ускал / *Ушкал* мы связываем не с рус. диал. *ушкуй* ‘лодка’, а с представляющим приведенное выше гнездо прибалтийско-финским апеллятивом в значениях ‘смелый’, ‘отважный’, ‘мужественный’ и т. п.

В совокупности приведенные факты говорят также о том, что эловая финаль антропонима в отдельных случаях может входить в основу апеллятива.

*Херна: «Хернинская деревня» (№ 149, 1549/1550 г.; Лямца) [АСМ 1: 94], «Илья Васильев сын Херпин» (№ 203, 1554/1555 г.; Лямца) [Там же: 122], «Федор Васильев сын Херпина» (№ 320, 1568 г.; Лямца) [Там же: 206].

Вероятно, близкими родственниками этого антропонима являются имена, отраженные в прибалтийско-финской ойконимии, ср. д. *Герпиничи* в русском Приоятье и д. *Герпяла* (*Hörpäl*) в Южной Карелии. На основе первого названия И. И. Муллонен восстанавливает исходный антропоним **Hörp-*, связанный с вепс. *hörpötada* ‘болтать (молоть языком)’ [Муллонен 1994: 94]; на основе второго названия Д. В. Кузьмин реконструирует карельское имя, восходящее к *hörppö* ‘болтун’ [Кузьмин 2023: 77] (ср. также фин. *hörpättä* ‘болтать, трещать, тараторить’ [SSA 1: 217]).

Кроме того, следует учесть упомянутую в работе И. И. Муллонен версию А. Форсмана о возможной связи антропонимов данного ряда с древним прибалтийско-финским именем *Herppa*, букв. «Тюлень» [см.: Муллонен 1994: 94].

Чюкча / Чюхча: «Иван Маковиев сын Чюкча» (№ 79, 1540 г.; Чупа) [АСМ 1: 52], «Чюхча» (№ 227, 1557 г.; Кереть) [Там же: 139], «на реке на Кодиме волостка Чюкчин Бор» (№ 242, 1559 г.; Турчасово) [Там же: 153], «Иван Офонасьев сын Чюхчина» (№ 300, 1566/1567 г.; Турчасово) [Там же: 197].

Судя по географическим привязкам, это имя носил не один человек. Интерпретация антропонима не вызывает больших трудностей, поскольку основа *Чукч-/Чухч-* давно объяснена в топонимических исследованиях как отражение саам. **śukč-*, *śuħč* ‘глухарь’ [см., например: Матвеев 2004: 103–104; YS: 28–29].

Отметим, что саамские основы в антропонимии [АСМ 1] редки. Кроме *Чюкча / Чюхча*, пока мы нашли всего один пример, причем, видимо, содержащий ошибку расшифровщика: *Мосей Иванов сын Нузчин* (№ 30, 1517 г.; Ненокса) [АСМ 1: 30]. Восстанавливаемое на этой основе имя **Нузча* на самом деле, скорее всего, — **Нухча*, восходящее к саам. *ñuhč* ‘лебедь’ (эта лексема, как и *śuħč* ‘глухарь’, широко отражена в топонимии Европейского Севера России [см.: Матвеев 2004: 94; KKLS 1: 306]).

Заключение

Разумеется, рано делать какие-то выводы по столь небольшому количеству материала — напомним, что в данной работе, самой первой из планируемой

серии, мы главным образом стремились показать разнообразие неславянских имен [АСМ], степень их изученности и этимологической проблемности. Позволим себе все же несколько обобщающих замечаний.

Как свидетельствуют наши материалы, в большинстве своем антропонимы неславянского происхождения представлены в отчествах «русского типа» в составных именовании, где прочими компонентами являются православные календарные имена и их формы: иноязычные имена, реконструируемые на основе этих развернутых именовании, носили отцы и деды тех персонажей, которые фигурируют в грамотах 1479–1571 гг. (ср.: *Куземка Федоров Валуев*, *Власко Ошмуев*, *Семен Иванов сын Сулгоняев* и т. п.). Тем самым для рассматриваемого периода следует констатировать уже ставшую значительной степень христианизации и, соответственно, обрусения части неславянского населения Беломорья, что, безусловно, связано прежде всего с деятельностью Соловецкого монастыря. При этом, однако, иноязычные антропонимические системы еще продолжают существовать, на что указывают отдельные номинации (*Везияй*, *Чюхча*).

При анализе антропонимов с точки зрения происхождения с очевидностью прослеживается доминирование прибалтийско-финских имен; есть редкие «тюркизмы» и столь же редкие антропонимы с вероятными саамскими истоками. Основы прибалтийско-финских имен в большинстве случаев невозможно далее дифференцировать по языкам. Исходя из общего исторического контекста и очерченной во введении региональной этнонимической картины, для большинства прибалтийско-финских антропонимов следует предполагать карельские истоки. С этим согласуется и большое количество имен с антропонимомантом *-ой/-уй*, составляющих почти половину нашего материала.

В семантическом отношении рассмотренные имена подтверждают многие модели антропонимической номинации, выявленные в предшествующих исследованиях. Представлены, в частности, «фаунистические» антропонимы (**Нухча*, **Ошмуй*, *Чюхча*), имена, отражающие особенности внешности (*Валуи*, *Везияй(й)*, *Сулгоняй(й)*), речи (*Херна*); есть также имена «пожелательного» характера (*Гюй*, *Лотуй / Лотой*, *Ускал / Ушкал*).

Как мог заметить читатель, многие неславянские антропонимы [АСМ] этимологизируются непросто: есть альтернативные версии и высокодискуссионные случаи, встречаются трудности или сомнения с мотивировками и типологическим материалом, который либо отсутствует, либо пока не найден. В то же время, думается, нам удалось не только предложить новые этимологии, но и дополнить или уточнить ряд уже известных версий, в том числе представленных в многократно упомянутом выше [СНЛИ]. Необходимость дополнений и корректировок, впрочем, касается и данной работы:

они, как можно надеяться, появятся в дальнейшем, при анализе большего количества фактов.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

вепс.	вепский язык	оренб.	оренбургские говоры русского языка
вод.	водский язык		
др.-вепс.	древневепский язык	приб.-фин.	прибалтийско-финские языки
др.-швед.	древнешведский язык	саам.	саамские языки
ижор.	ижорский язык	саам. сев.	северносаамский язык
лив.	ливский язык	чагат.	чагатайский язык
люд.	людиковское наречие карельского языка		

В названиях географических объектов

пог. погост

Прочие

арх.	архаичный	эвфем.	эвфемизм
фольк.	фольклорный		

Источники

- АСМ — Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. / сост. И. З. Либерзон. Л. : Наука, 1988.
- Байгуза 1 — Familio. URL: <https://familio.org/catalogs/gwarmil/persons/5118132e-6663-4da6-8f8d-3f5565ce4b56> (дата обращения: 01.08.2024).
- Байгуза 2 — Литературная карта Республики Башкортостан. URL: <https://libmap.bashnl.ru/pode/833> (дата обращения: 01.08.2024).
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1989–1991.
- Досифей 1853 — Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря, составленное трудами архимандрита Досифея. М. : Унив. тип., 1853.
- Дунаев Б. И. Соловецкая обитель. М. : Тип. рус. т-ва, 1914.
- РИПФ — Решетников Н. И. Русские имена, прозвища, фамилии. Материалы к именослову. М. : [б. и.], 2020.
- СКР Glosbe — Словарь киргизско-русский. URL: <https://glosbe.com/> (дата обращения: 15.08.2024).
- Тушиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1903.
- ФРС — Финско-русский словарь / сост. И. Вахрос, А. Щербаков. М. : Рус. яз., 1975.
- Эл-Создук — Онлайн-переводчик Эл-Создук. URL: <https://el-sozduk.kg/> (дата обращения: 15.08.2024).

Исследования

Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М. : Наука, 1979.

- Бернштам Т. А.* Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л. : Наука, 1978.
- Захарова Е. В.* О некоторых ойконимных моделях Восточного Обонежья // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16). С. 34–49.
- Кабинина Н. В.* Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.
- Кабинина Н. В.* Антропонимы финно-угорского происхождения в топонимии Архангельского Поморья // Язык и прошлое народа : сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева / отв. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 123–134.
- Карлова О. Л.* -L-овая модель в топонимии Карелии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Петрозавод. гос. ун-т. Петрозаводск, 2004.
- Киришева Т. И.* Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории Онежского полуострова : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2006.
- Кузьмин Д. В.* К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте : материалы науч. симп. / сост. И. И. Муллонен. Петрозаводск : ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2007. С. 20–89.
- Кузьмин Д. В.* Карельские женские имена // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14, № 3. С. 105–127. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.3.026
- Кузьмин Д. В.* Христианские имена карел // Финно-угорский мир в полиэтническом пространстве России: культурное наследие и новые вызовы : сб. ст. по материалам VI науч. конф. финно-угроведов (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.) / отв. ред. М. П. Безенова. Ижевск : Изд-во Анны Зелениной, 2019. С. 197–202.
- Кузьмин Д. В.* К реконструкции древнекарельского именника // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 2. С. 9–35. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.2.016
- Кузьмин Д. В.* Человек и его имя в ойконимии и микропонимии Южной Карелии // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20, № 2. С. 58–102. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.2.016
- Кузьмин Д. В.* Ойконимия карелов-ливвиков // Вопросы ономастики. 2024а. Т. 21, № 2. С. 110–152. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.2.019
- Кузьмин Д. В.* Неславянские антропонимы в «Актах Соловецкого монастыря» (замечания и дополнения). 2024б. Из личного архива авторов.
- Кюришнова И. А.* Колмак, Колмач... // Русская речь. 2013. № 2. С. 119–124.
- Кюришнова И. А.* Прибалтийско-финские и саамские именованья как компоненты антропонимической системы Карелии XV–XVII вв. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016а. № 5 (158). С. 64–72.
- Кюришнова И. А.* Тюркское имя в антропонимиконе Карелии XV–XVII вв. // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016б. № 5. С. 149–155.
- Кюришнова И. А.* Двусосновные антропонимы в ономастиконе памятников XV–XVII вв. // Научный диалог. 2017. Вып. 2. С. 57–74. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-2-57-74>
- Макарова А. А.* Личные имена прибалтийско-финского населения в топонимии Северо-Западного Белозерья // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15, № 3. С. 154–170. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.3.034
- Мамонтова Н. Н.* Карельская и вепская антропонимия на современном этапе // Ономастика. Типология. Стратиграфия / отв. ред. А. В. Суперанская. М. : Наука, 1988. С. 221–228.
- Матвеев А. К.* Географические названия Свердловской области : топоним. словарь. Екатеринбург : Урал. лит. агентство, 2000.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 2. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004.

- Муллонен И. И. Очерки вепской топонимии. СПб. : Наука, 1994.
- Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2002.
- Муллонен И. И. Топонимия Заонежья : словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2008.
- Никонов В. А. Словарь русских фамилий. М. : Школа-Пресс, 1993.
- Попов А. И. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л. : Наука, 1981.
- Родионов А. В. Поморские селения Онежского берега как полигон комплексных генеалогических и генетических исследований // Известия русского генеалогического общества. 2003. Вып. 13. С. 5–40.
- Саарикиви Я. Прибалтийско-финская антропонимия в субстратных названиях Русского Севера: перспективы изучения // Этимологические исследования : сб. науч. тр. Вып. 8 / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 136–148.
- СНЛИ — *Кюришнова И. А.* Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/slovar-nekalendarnyh-lichnyh-imen-prozvisshh-i-familnyh-prozvanij-severo-zapadnoj-rusi-15-17-vv/ (дата обращения: 15.08.2024).
- Соболев А. И. Карельское наследие в топонимии Юго-Восточного Обонежья // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 47–68.
- Соболев А. И. Антропонимы прибалтийско-финского происхождения в писцовых книгах Юго-Восточного Обонежья XV–XVI вв. // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14, № 1. С. 7–34. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.1.001
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. СПб. : АЗБУКА-Терра, 1996.
- Хелимский Е. А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 338–348.
- Шилов А. Л. Соловки // Русская речь. 2001. № 3. С. 87–90.
- Шилов А. Л. Из наблюдений над берестяными грамотами // Финно-угорское наследие в русском языке / отв. ред. А. К. Матвеев. Вып. 2. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 211–227.
- Шилов А. Л. Откуда вы, любезнейший Колмак? // Русская речь. 2008. № 1. С. 82–85.
- Шилов А. Л. Этнонимы и неславянские антропонимы берестяных грамот // Вопросы ономастики. 2010. № 1 (8). С. 33–54.
- Kalima J. Karjalaiset henkilönimet Äänisen viidenneksen vanhoissa verokirjoissa. Helsinki : Société finno-ougrienne, 1942. (Kalevalaseuran vuosikirja ; 22).
- KKLS — *Itkonen T. I.* Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. O. 1–2. Helsinki : Suomalaisen kirjallisuuden Seura, 1958. (Lexica societatis Fenno-ugricae ; XV).
- Saarikivi J. Substrata Uralica: Studies on Finno-Ugrian Substrate in Northern Russian Dialects. Tartu : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006.
- Saarikivi J. Finnish personal names on Novgorod birch bark documents // Slavica Helsingiensia. 2007. Vol. 32. P. 196–246.
- SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia ; 556).
- YS — *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989.

References

- Baskakov, N. A. (1979). *Russkie familii tiurkского proiskhozhdeniia* [Russian Surnames of Turkic Origin]. Moscow: Nauka.
- Bernstam, T. A. (1978). *Pomory: Formirovanie gruppy i sistema khoziaistva* [Pomors: Formation of the Group and Economic System]. Leningrad: Nauka.
- Helimski, E. A. (2000). *Komparativistika, uralistika: Lektsii i stat'i* [Comparative Studies, Uralistics: Lectures and Articles]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
- Itkonen, E., & Kulonen, U.-M. (Eds.). (1992–2000). *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja* (O. 1–3). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Itkonen, T. I. (1958). *Koltan- ja kuolanlapin sanakirja* (O. 1–2). Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden Seura.
- Kabinina, N. V. (2011). *Substratnaia toponimiia Arkhangel'skogo Pomor'ia* [Substrate Toponymy of the Arkhangel'sk Pomorye]. Ekaterinburg: Ural University Press.
- Kabinina, N. V. (2012). Antroponimy finno-ugorskogo proiskhozhdeniia v toponimii Arkhangel'skogo Pomor'ia [Anthroponyms of Finno-Ugric Origin in the Toponymy of the Arkhangel'sk Pomorye]. In M. E. Rut (Ed.), *Iazyk i proshloe naroda: sbornik nauchnykh statei pamiati prof. A. K. Matveeva* [Language and the Past of a People: Collected Articles in Memory of Prof. Alexander K. Matveyev] (pp. 123–134). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Kalima, J. (1942). *Karjalaiset henkilönnimet Äänisen viidenneksen vanhoissa verokirjoissa*. Helsinki: Société finno-ougrienne.
- Karlova, O. L. (2004). *-L-ovaia model' v toponimii Karelii [-L-Pattern in the Toponymy of Karelia]* (Doctoral dissertation). Petrozavodsk State University, Petrozavodsk.
- Kirisheva, T. I. (2006). *Russkaia toponimiia finno-ugorskogo proiskhozhdeniia na territorii Onezhskogo poluostrova* [Russian Toponymy of Finno-Ugric Origin in the territory of the Onega Peninsula] (doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.
- Kuzmin, D. V. (2007). K probleme formirovaniia naseleniia zapadnogo poberezh'ia Belogo moria (po dannym toponimii) [On the Problem of Population Formation on the Western Shore of the White Sea (Based on Toponymic Data)]. In I. I. Mullonen (Ed.), *Finno-ugorskaia toponimiia v areal'nom aspekte: materialy nauchnogo simpoziuma* [Finno-Ugric Toponymy in an Areal Perspective: Proceedings of the Scientific Symposium] (pp. 20–89). Petrozavodsk: IIALI KarNTs RAN.
- Kuzmin, D. V. (2017). Karel'skie zhenskies imena [Karelian Female Names]. *Voprosy onomastiki*, 14(3), 105–127. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.3.026
- Kuzmin, D. V. (2019). Khristianskie imena karel [Christian Names of Karelians]. In M. P. Bezenova (Ed.), *Finno-ugorskii mir v polietnicheskom prostranstve Rossii: kul'turnoe nasledie i novye vyzovy: sbornik statei po materialam VI nauchnoi konferentsii finno-ugrovedov (Izhevsk, 4–7 iyunia 2019 g.)* [The Finno-Ugric World in the Multi-Ethnic Space of Russia: Cultural Heritage and New Challenges (Proceedings of the 6th Conference of Finno-Ugric Studies)] (pp. 197–202). Izhevsk: Izd-vo Anny Zeleninnoi.
- Kuzmin, D. V. (2020). K rekonstruktsii drevnekarel'skogo imennika [Toward the Reconstruction of the Ancient Karelian Name Register]. *Voprosy onomastiki*, 17(2), 9–35. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.2.016
- Kuzmin, D. V. (2023). Chelovek i ego imia v oikonimii i mikrotoponimii Iuzhnoi Karelii [A Person and their Name in the Oikonymy and Microtoponymy of Southern Karelia]. *Voprosy onomastiki*, 20(2), 58–102. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.2.016
- Kuzmin, D. V. (2024). Oikonimiia karelov-livvikov [Oikonymy of Livvik Karelians]. *Voprosy onomastiki*, 21(2), 110–152. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.2.019

- Kyurshunova, I. A. (2010). *Slovar 'nekalendarnykh lichnykh imen, prozvizhch i famil'nykh prozvanii Severo-Zapadnoi Rusi XV–XVII vv.* [Dictionary of Non-Calendar Personal Names, Nicknames, and Family Designations in Northwest Russia in the 15th–17th Centuries]. Retrieved from https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/slovar-nekalendarnykh-lichnykh-imen-prozvizhch-i-familnykh-prozvanij-severo-zapadnoj-rusi-15-17-vv/
- Kyurshunova, I. A. (2013). Kolmak, Kolmach.... *Russkaia rech'*, 2, 119–124.
- Kyurshunova, I. A. (2016a). Pribaltiisko-finskie i saamskie imenovaniiia kak komponenty antroponimicheskoi sistemy Karelii XV–XVII vv [Finnic and Sami Names as Components of the Anthroponymic System of Karelia in the 15th–17th Centuries]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 5(158), 64–72.
- Kyurshunova, I. A. (2016b). Tiurkskoe imia v antroponimikone Karelii XV–XVII vv. [Turkic Names in the Anthroponymy of Karelia in the 15th–17th Centuries]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, 5, 149–155.
- Kyurshunova, I. A. (2017). Dvuosnovnye antroponimy v onomastikone pamiatnikov XV–XVII vv. [Dual-Root Anthroponyms in the Onomastics of 15th–17th Century Sources]. *Nauchnyi dialog*, 2, 57–74. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-2-57-74>
- Lehtiranta, J. (1989). *Yhteisaamelainen sanasto*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Makarova, A. A. (2018). Lichnye imena pribaltiisko-finskogo naseleniia v toponimii Severo-Zapadnogo Belozer'ia [Personal Names of the Finnic Population in the Toponymy of North-Western Belozerye]. *Voprosy onomastiki*, 15(3), 154–170. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.3.034
- Mamontova, N. N. (1988). Karel'skaia i vepsskaia antroponimiiia na sovremennom etape [Karelian and Vepsian Anthroponymy in the Modern Period]. In A. V. Superanskaya (Ed.), *Onomastika. Tipologiiia. Stratigrafiia* [Onomastics. Typology. Stratigraphy] (pp. 221–228). Moscow: Nauka.
- Matveyev, A. K. (2000). *Geograficheskie nazvaniia Sverdlovskoi oblasti: toponimicheskii slovar'* [Geographical Names of the Sverdlovsk Region: Toponymic Dictionary]. Ekaterinburg: Ural'skoe literaturnoe agentstvo.
- Matveyev, A. K. (2004). *Substratnaia toponimiiia Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North] (Vol. 2). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Mullonen, I. I. (1994). *Ocherki vepsskoi toponimii* [Essays on Vepsian Toponymy]. St Petersburg: Nauka.
- Mullonen, I. I. (2002). *Toponimiiia Prisivir'ia: problemy etnoazykovogo kontaktirovaniia* [Toponymy of Prisiviryie: Problems of Ethnolinguistic Contact]. Petrozavodsk: PetrSU Press.
- Mullonen, I. I. (2008). *Toponimiiia Zaonezh'ia: slovar' s istoriko-kul'turnymi kommentariiiami* [Toponymy of Zaonezhye: A Dictionary with Historical and Cultural Commentary]. Petrozavodsk: KarNTs RAN.
- Nikonov, V. A. (1993). *Slovar 'russkikh familii* [Dictionary of Russian Surnames]. Moscow: Shkola-Press.
- Popov, A. I. (1981). *Sledy vremen minuvshikh. Iz istorii geograficheskikh nazvanii Leningradskoi, Pskovskoi i Novgorodskoi oblastei* [Traces of Times Past. From the History of Geographical Names of the Leningrad, Pskov, and Novgorod Regions]. Leningrad: Nauka.
- Rodionov, A. V. (2003). Pomorskie seleniia Onezhskogo berega kak poligon kompleksnykh genealogicheskikh i geneticheskikh issledovaniia [Pomor Settlements on the Onega Coast as a Field for Comprehensive Genealogical and Genetic Studies]. *Izvestiia russkogo genealogicheskogo obshchestva*, 13, 5–40.
- Saarikivi, J. (2003). Pribaltiisko-finskaia antroponimiiia v substratnykh nazvaniiakh Russkogo Severa: perspektivy izucheniia [Finnic Anthroponymy in Substrate Names of the Russian North:

- Prospects for Study]. In E. L. Berezovich (Ed.), *Etimologicheskie issledovaniia* [Etymological Studies] (Iss. 8, pp. 136–148). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Saarikivi, J. (2006). *Substrata Uralica: Studies on Finno-Ugrian Substrate in Northern Russian Dialects*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
- Saarikivi, J. (2007). Finnish Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents. *Slavica Helsingiensia*, 32, 196–246.
- Shilov, A. L. (2001). Solovki. *Ruskaia rech'*, 3, 87–90.
- Shilov, A. L. (2002). Iz nabliudenii nad berestianymi gramotami [Observations on Birch Bark Documents]. In A. K. Matveyev (Ed.), *Finno-ugorskoe nasledie v russkom iazyke* [Finno-Ugric Heritage in the Russian Language] (Iss. 2, pp. 211–227). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Shilov, A. L. (2008). Otkuda vy, liubezneishii Kolmak? [Where Are You From, Dear Kolmak?]. *Ruskaia rech'*, 1, 82–85.
- Shilov, A. L. (2010). Etnonimy i neslavianskie antroponimy berestianykh gramot [Ethnonyms and Non-Slavic Anthroponyms in Birch Bark Documents]. *Voprosy onomastiki*, 1(8), 33–54.
- Sobolev, A. I. (2015). Karel'skoe nasledie v toponimii Iugo-Vostochnogo Obonezh'ia [Karelian Heritage in the Toponymy of Southeast Obonezh'ye]. *Voprosy onomastiki*, 1(18), 47–68.
- Sobolev, A. I. (2017). Antroponimy pribaltiisko-finskogo proiskhozhdeniia v pistsovykh knigakh Iugo-Vostochnogo Obonezh'ia XV–XVI vv. [Anthroponyms of Balto-Finnic Origin in the Cadastral Books of Southeast Obonezh'ye of the 15th–16th Centuries]. *Voprosy onomastiki*, 14(1), 7–34. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.1.001
- Vasmer, M. (1996). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). St Petersburg: AZBUKA-Terra.
- Zakharova, E. V. (2014). O nekotorykh oikonimnykh modeliakh Vostochnogo Obonezh'ia [On Some Oikonymic Patterns of Eastern Obonezh'ye]. *Voprosy onomastiki*, 1(16), 34–49.